

ВЕЛИКИЙ БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Н.М. СЕВЕРИКОВА

В 2012 г. вся отечественная интеллигенция отмечала 200-летие со дня рождения Александра Ивановича Герцена, имя которого навсегда вписано в историю мировой культуры. Талантливый публицист, философ, социолог, литературный критик и великий русский писатель выразил цель своей жизни в лаконичной формуле: «Борьба — моя поэзия»¹.

Это амплу борца безоговорочно принималось всеми. Но смена исторических обстоятельств и мировоззренческих установок накладывает свою печать на оценку прошлого, и нынешние публицисты задаются вопросом: а кто он был — Герцен? либерал? демократ? народник? славянофил? предтеча Великого Октября? Сам Герцен ни с кем из них себя не идентифицировал.

Известно, что Ленин считал Герцена «предшественником русской социал-демократии», но в то же время и сторонником «американского пути» развития России, причем ведущим началом всегда «оставалась его революционность»². В.В. Воровский, относя Герцена к «буржуазным революционерам», утверждал, что «как идеолог и провозвестник исторического переворота, происшедшего в России во II половине XIX в., он является самым крупным, самым блестящим, самым замечательным деятелем эпохи»³. Эту оценку Герцена, революционного деятеля 30 — 60-х гг. XIX в., подтверждает «целое море восторженных статей», появившихся в прессе к 100-летию юбилею «великого отца прогрессивной мысли в России»⁴. В европейских городах — Ницце, Женеве, Лозанне и других — проходили многотысячные митинги. На чествовании Герцена в Париже, вспоминал А.В. Луначарский, 7 апреля 1912 г. присутствовало 1,5 тыс. человек, но своей грандиозностью его поразил митинг, повторно организованный в Париже В.Н. Фигнер 15 апреля: в зале Ваграм собралось около 6 тыс. рабочих, студентов, французских социалистов, русских эмигрантов. В том же 1912 г. вышла в свет работа В.И. Ленина «Памяти Герцена», в которой подчеркнута его «великая роль в подготовке русской революции».

В Советской России дни памяти А.И. Герцена торжественно отмечались везде, а в Москве в 1920 г. был организован вечер в Большом театре Союза ССР. Оркестр исполнил бетховенского «Эгмонта»; с докладом выступил первый нарком просвещения А.В. Луначарский, высказав утопическую для нашего времени мысль: «Наши дети с 10 — 12 лет уже будут читать избранные страницы Герцена»⁵. К 50-летию со дня кончины великого русского мыслителя Совет народных комиссаров под председательством Ленина принял 17 января 1920 г. Постановление об увековечении памяти А.И. Герцена, состоявшее из

10 пунктов, в числе которых значилось: поставить в Москве памятник Герцену, назвать его именем улицу и учебные заведения, в краткий срок закончить издание Полного собрания его сочинений, послать приветствие живущим во Франции дочерям Герцена — Наталии Герцен и Ольге Моно, которым правительство России предоставляло ряд привилегий в случае их приезда на родину⁶. И еще не столь давние события: к 150-летию со дня рождения Герцена в России отчеканили специальную юбилейную медаль; к его 200-летию в отреставрированном Музее Герцена 6 апреля 2012 г. собрались не только ученые, но и потомки писателя из многих стран Европы и США; в Институте философии Российской академии наук 20 июня 2012 г., в день Международной научной конференции «Александр Герцен и исторические судьбы России», состоялось торжественное открытие мемориальной доски. Масштабы чествования русского мыслителя подчеркивают осознание его исторической роли в борьбе за свободу русского народа. Государство же сегодня осталось в стороне от юбилея великого борца за справедливость...

Жизнь А.И. Герцена резко разделяется на две части. Он родился в Москве 6 апреля 1812 г. и в России прожил свои «сознательные» годы в качестве ссыльного и «поднадзорного грешника», а в январе 1847 г. пересек в Таурогене литовскую границу и с тех пор до конца своих дней скитался по чужим странам (Франция, Италия, Швейцария — там принял гражданство, Великобритания...)

«Незаконнорожденный сын» богатого и родовитого барина — «полубарчонок», как называли ребенка слуги, рано почувствовал неопределенность своего положения в доме отца, но более сильным, еще «в колыбели разума», оказалось влияние его учителя-француза Бушо, хранившего «светлый огонь» Великой французской революции. Чтение Шиллера, Шеллинга, Гёте, Гегеля, Вольтера, Дидро, Руссо и «потаенной» поэзии Пушкина и декабристов развивало в юном Герцене дух свободолюбия⁷. Отечественную войну 1812 г. он позже оценил как «кровавое крещение», после которого вся Россия вошла в «новую фазу жизни». С детских лет запомнились ему рассказы о Бородинском сражении, о московских пожарах, о взятии Парижа русскими войсками и примечательный факт из жизни семьи: его отец, Иван Алексеевич Яковлев, был парламентарием, встречавшимся в Москве с Наполеоном для передачи в Петербург императору Александру I письма с предложением мира.

Декабристы на всю жизнь стали для Герцена героями-патриотами, «вышедшими сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение». Г.В. Плеханов в речи, произнесенной 14 декабря 1900 г. на русском собрании в Женеве, вспоминает пророческие слова из работы Герцена «Четырнадцатое декабря и император

Николай» о том, что декабристы хотели всенародно заявить мысль русской свободы, зная, что они погибнут, но что, всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет. Делу русской свободы было принесено немало жертв, но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина — первых мучеников, заплативших жизнью за свои революционные стремления, останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей. Герцен указал на важное обстоятельство, помешавшее успеху декабристов: у них не было поддержки со стороны народа⁸. Присутствуя в Кремле в момент коронации Николая I, юный Герцен перед «алтарем, оскверненным кровавой молитвой», клялся отомстить за казненных, а летом 1827 г. верные друзья Герцен и Огарев еще мальчишками посвятили себя в «рыцари свободы».

Годы учения в Московском университете (1829 — 1833) были временем могучего кипения чувств и мыслей — «пир идей, науки, мечтаний». В кружке Герцена обсуждались вопросы политики, социологии, основательно изучались сочинения философов Запада. Сенсимонизм — с его идеями равенства, братства, общности труда, равноправия мужчин и женщин — явился для студентов целым откровением, стал «религией жизни». Наиболее важной в учении Сен-Симона считали его мысль о том, что «все общественные учреждения должны иметь целью нравственное, умственное и физическое усовершенствование сословия самого многочисленного и бедного»⁹. Это был главнейший практический вывод из учения французского социалиста.

Большое внимание Герцен уделял изучению естественных наук. В студенческие годы им написано несколько статей на естественнонаучные темы. В работе «О месте человека в природе» (1832) Герцен осуждал как материализм за его мертвое анатомирование живой природы, так и идеализм, «забывающий», что «нельзя познаваемое узнать без посредства чувств», и предлагал «соединить методу рациональную с эмпирической»¹⁰. Следом сделал «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (1833); публикует также переводы западных ученых, посвященные проблемам естествознания. Из университета Герцен вышел кандидатом с Золотой медалью и твердым решением издавать журнал с целью пропаганды передовых общественных теорий, но осуществить этот план не удалось: 22 июля 1834 г. Герцен и члены его кружка, обвиненные в создании тайной организации с целью свержения существующего строя, были арестованы. А поводом послужило «дело о лицах, певших пасквильные песни» в доме князей Голицыных. Герцен, как «смелый вольнодумец, весьма опасный для общества», был выслан в Пермь, затем в Вятку под строгий полицейский надзор. Юноша стал свидетелем бунта крестьян, отказавшихся засеять поля мерзлым картофелем, — их секли и «целую толпу сослали в Сибирь». В 1837 г. его перевели во Владимир, а через год после

возвращения в Москву последовала еще одна ссылка — в Новгород, но теперь уже за «распространение необоснованных слухов»: резкий отзыв в письме к отцу о царской полиции.

В ссылке чувство отчаяния у Герцена сменяется решимостью начать борьбу с ненавистным режимом. Мечтая об обновлении мира, просвещении отечества, он видит общественную трибуну в литературе, надеясь соединить художественное слово с политической борьбой против самодержавия. Он понимал: на определенном этапе исторического развития самодержавие сыграло свою роль — без него «не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. «События, — пишет Герцен, — сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена. Она стала сильной, великой»¹¹. Однако за многие столетия самодержавие претерпело изменения и по форме, и по названию, но не по сути: сохранилась его отличительная особенность — деспотизм — «libido dominandi», страсть к властвованию. Именно против деспотизма и выступал Герцен.

Годы ссылки отмечены напряженными философскими исканиями. Первая философская работа Герцена «Дилетантизм в науке» (1842 — 1843) вызвала восторг Белинского, молодежь читала ее «с упоением». Герцен противопоставил идее славянофилов о необходимости подчинить философию религии мысль о соединении философии с естествознанием. Он борется за передовую науку, способную «потребовать голос во всех делах жизни» и стать достоянием народа.

«Письма об изучении природы», опубликованные в «Отечественных записках» в 1845 — 1846 гг., поставили автора в один ряд с величайшими мыслителями своего времени. Герцен критически подошел к философскому наследию Канта, Шеллинга, раскрыл несостоятельность позитивизма Конта. Он высоко ценил материалистов, которые «звали людей сойти с туманных облаков, где метафизики возились со схоластическими бреднями».

В утверждении материалистических воззрений молодого философа большую роль сыграла книга Л. Фейербаха «Сущность христианства» (1841), но в отличие от метафизического созерцательного материализма мыслителей XVIII в. и Фейербаха, материализм Герцена имел действенный характер: важно было понять закономерности исторического развития и на их базе найти пути социального переустройства общества.

В развитии своего миросозерцания Герцен многим обязан Гегелю. О философских исканиях 1840-х гг. он писал: «В Москве социализм развивался вместе с гегелевской философией»¹². В философии Гегеля он увидел идею единства природы и духа, в гегелевской диалектике нашел оправдание неизбежной борьбы нового со старым. Отстаивая диалектическое учение о развитии, Герцен утверждает, что противоречие является основой прогресса в обществе. Философия Гегеля

стала для него «алгеброй революции». Труды Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» можно назвать образцом философской публицистики.

К середине 1840-х гг. Герцен — в центре литературной и идейной жизни в России. В русскую литературу Герцен вступил «с громом и блеском»¹³: сенсацию в обществе вызвал один из первых русских социально-психологических романов Искандера¹⁴ «Кто виноват?» (1846). Его антикрепостнический смысл не вызывал сомнений, и реакционная критика обвинила автора в «оскорблении благородного сословия». Широким обобщением судеб передовых людей стало создание образа Бельтова — «лишнего человека», появившегося на десятилетие раньше тургеневского Рудина. Идейный антагонизм Бельтова с чиновничье-дворянской средой, «возражение на весь порядок ее» — это уже политический протест. Поэтому в общественной жизни такие люди, как Бельтов, не только не были лишними, но становились носителями передовых идейных стремлений, — как характеризует их Герцен в статье «Лишние люди и желчевики». Роман «Кто виноват?» явился новым словом в литературе того времени и сразу выдвинул автора в число крупнейших писателей эпохи.

Большой успех имела повесть Герцена «Сорока-воровка»: в истории крепостной актрисы, затравленной баринем, показана общая трагедия русского народа в условиях произвола и насилия. А социально-философская повесть «Доктор Крупов» — это уже приговор всей системе жизни в России тех лет: социально-политическое обобщение о пагубности строя, в котором царит неравенство и угнетение.

В центре внимания статей цикла «Капризы и раздумья» (1842 — 1846) мысль о свободе личности от политического произвола. Однако автор считает, что человеку необходимо кроме личных привязанностей иметь «любовь к родине, к искусству, к науке», быть общественно активной, гармонически развитой личностью даже в условиях буржуазного общества, где возвышенные чувства буржуазия давно уже разменяла «на звонкую монету».

Сам Герцен хотя и был именно такой общественно активной личностью, но его попытки получить право на издание журнала оказались безуспешными. Пророчеством обернулись его слова, записанные в дневнике еще в 1843 г.: «Нам, славянам, предстоит молчание или слово вне отечества». Идея социализма укрепила стремление Герцена уехать в Европу, где он надеялся обрести долгожданную свободу. Его эрудиция и прекрасное знание языков способствовали во Франции общению со многими европейскими знаменитостями. Однако вскоре состояние эйфории сменилось чувством разочарования при близком знакомстве с жизнью на Западе. Вместо «свободы, равенства, братства», о которых кричали буржуазные идеологи, перед ним встали два

противоположных, враждующих мира: паразитическая аристократия, жиревшая буржуазия и обездоленные мастеровые, полуголодные ремесленники. «Чтобы узаконить свою власть, буржуазия выдумала себе нравственность, основанную... на силе денег». Буржуазный строй Герцен назвал «людоедством в образованных формах». Свои впечатления он выразил в цикле фельетонов «Письма из Avenue Marigny», которые печатались в России — в журнале «Современник» (в Италии им создан другой цикл — «Письма с Via del Corso»). В «Письмах из Франции и Италии» чувствуется смелость и независимость ума, критическая и творческая работа русского мыслителя. Его отрицательное отношение к западноевропейской буржуазии вызвало резкий протест со стороны либералов — Грановского, Анненкова, Боткина, и только Белинский горячо поддержал автора «Писем...». Герцен с огромным вниманием следил за борьбой французского пролетариата, надеясь на его победу, но «Париж в один год отрезвил меня, — пишет он, — этот год был 1848». Кровавую расправу французской буржуазии с восставшими рабочими он переживал мучительно, а «торжество либерализма и лжедемократии вызывало тошнотворное чувство». Так, «радость при переезде через границу» завершилась духовной драмой, которая нашла отражение в очерках «С того берега» (1850). В этом «памятнике борьбы» — скорбные и мрачные мысли о крушении романтических надежд, страстная идейная исповедь, «бешенство и слезы». Это был тяжелейший урок, данный Герцену Западом. Он понял, что буржуазная интеллигенция Франции не хочет «взять на себя почин общественного преобразования» и что осуществить социалистический идеал «призвана Россия». Он вспоминает слова Р. Оуэна, сказанные ему при встрече: «Я жду великого от вашей родины».

«Великому делу» — освобождению русского народа от ига крепостничества посвятил свою жизнь «дерзкий преступник», как назвал Герцена Николай I за отказ вернуться в Россию. Он остался за границей на положении политического эмигранта, чтобы продолжить начатую борьбу против царского деспотизма. В Лондоне он смог осуществить свою давнюю мечту — создать Русскую вольную прессу — бесцензурную печать, где звучало бы свободное русское слово. Из публикаций Герцена читатели узнавали не только о жизни крепостного крестьянства, но и о великой культуре русского народа. Он издает на иностранных языках свои работы о России, чтобы развеять ложные представления о ней как о «дикой силе», «злобно смотрящей на Европу двумя пулями вместо глаз». Он не оставил без ответа ни одного клеветнического выпада враждебной печати против России и русского народа, подчеркивая в русском характере свободолюбие, патриотизм, трудолюбие и высокую духовную одаренность. Эту громадную работу сам Герцен рассматривал как «непрерывную защиту» своего отечества, своего народа.

На страницах альманаха «Полярная звезда» публиковались запрещенные в России произведения. «Полярная звезда» продолжала традиции декабристов: недаром каждую книжку альманаха открывали символические силуэты казненных декабристов и пушкинский девиз «Да здравствует разум!» «Полярная звезда» касалась актуальных вопросов русской жизни, и ее читали в различных уголках России.

Еще большую популярность завоевала газета «Колокол» — этот «перл публицистики». «Колокол повсюду будил мысль, звал читателей на протест против гнета и вербовал все новых борцов против деспотизма». Издавая «Колокол», Герцен хотел стать «чернорабочим эпохи». Главной темой его публицистики был «крестьянский вопрос», и «Колокол» превратился в летопись борьбы за освобождение крестьян — это стало целью жизни Герцена.

Первые действия русского правительства вызвали у Герцена либеральные иллюзии. В передовой статье «Колокола» (№ 95) он назвал Александра II «освободителем», который «боролся во имя человеческих прав, во имя сострадания против хищной толпы закоснелых негодяев». Он утверждал, что «этого шага не забудут грядущие поколения».

«Полярная звезда» (1856. № 2) была озабочена важной проблемой: какие слои русского общества могут помочь «юному правительству» России? Но вскоре стало понятно: вряд ли будут хорошими советниками *помещики*, владеющие крепостными: они привыкли только «тратить огромные с неба свалившиеся суммы» (да и крестьяне, «если что-нибудь и хотят видеть на шее у господ, то не Владимирскую ленту»); *мелкопоместное дворянство* выжимает «из мужика все здоровые соки»; *купечество* «мерит благоденствие государства своей прибылью, достигаемую всеми путями неправды»; *чиновники*, сосущие «кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых», — «члены одной огромной организации повсеместного грабежа». Так что правительству России следует обратиться к образованным честным русским людям, которые «не продавали своей совести за места по службе», кто привык мыслить, знает народ и его потребности. А народные массы желали такого правительства, которое бы управляло ими для них, а не против них, как теперешнее.

Анализируя публикации в лондонской Вольной русской прессе в период подготовки реформы, Г.В. Плеханов обратил внимание на мысль Герцена в письме Александру II о том, что в России «развитие пойдет иным путем»: акцент делается на ее экономической самобытности, в частности, на освобождении крестьян *с землей*. Это избавит Россию «от бесплодных кровопролитий». А при освобождении крестьян *без земли* «правительство может наткнуться на дикую революцию». Герцен призывает царя: «Смойте с России позорное пятно крепостного состояния... Спасите крестьянина... от крови, которую

он должен будет пролить». Эти призывы провидца не были услышаны правителем России¹⁵.

Под влиянием неутешительных известий из России рассеялись надежды Герцена на справедливое решение крестьянского вопроса. Пресловутое «освобождение» крестьян возмущало авторов присылаемых из России материалов: почему русский мужик должен «выкупать свои человеческие права» на клочок земли, «потом и кровью орошаемый им и его предками»? «Когда крестьянин станет свободным», если выкупная операция рассчитана на 37 лет? Это же новый вид крепостной зависимости от помещика!

Герцен не избежал упреков за переписку с императором, за преувеличенные надежды на его реформы, объяснявшиеся «отвращением от кровавых переворотов». Редакция «Колокола» призналась, что такого «уродливого хода» реформ она не ожидала: «Мы каемся перед Россией в нашей ошибке». По поводу опубликованного «манифеста» — «Положения 19 февраля 1861 г.» — Герцен писал в «Колоколе» (№ 10 от 5 июня 1861 г.) о «новом крепостном праве», о том, что «народ царем обманут». Надежды Герцена — «неисправимого социалиста» — на освобождение крестьян как первый шаг на пути социалистического развития России рушились.

Теперь редакция «Колокола» обращается с новым девизом — «*земля и воля*» — уже не к правительству, а к тому слою, который стали называть революционной интеллигенцией — к «умственной, движущей силе в государстве». А в 1863 г. возникло в России и народническое общество «Земля и воля».

Содержание и характер социалистического учения Герцена существенно менялось в связи с изменением исторических обстоятельств. В России социализм может осуществиться на основе крестьянской общины: общинный уклад деревни Герцен рассматривал как зародыш социалистических отношений. Неизменным оставалось его убеждение, что социалистическая идея может спасти русский народ. При этом крестьянская община может миновать стадию буржуазного развития. Буржуазия — это «остановка движения», — считал Герцен, — предел, дальше которого цивилизованному человечеству не суждено идти». К. Маркс назвал суждения Герцена «фантастическими измышлениями», а Герцен упорно защищал свою теорию русской общины как фундамент социализма. «Непреклонный враг всяких догм», он отвергал именно за догматизм социалистическое учение Маркса, а сторонников Маркса иронически называл «марксидами». Разрешение социальной проблемы путем классовой борьбы — это «самое худшее средство»: кровавый опыт революции 1848 г. «вошел у меня в плоть и кровь», — говорил Герцен, выступая против насилия. Однако опора на крестьянский социализм окончилась крахом и разочарованием Герцена: крестьяне-общинники были недовольны своим тяжелым положением, по-прежнему испытывая гнет.

И все же русский мыслитель верил в победу социализма, наблюдая усиление роли пролетариата, который ранее был для него всего лишь «незнакомец с того берега». Эти новые выводы наиболее полно выражены им в «Письмах к старому товарищу» (1869).

Герцен приблизился к пониманию того, что исторические закономерности могут быть объяснены лишь на основе изучения экономики общества. Русский социализм, писал он в «Колоколе» (№ 233 — 234), «идет от земли и крестьянского быта навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука».

Идейные искания Герцена, его внутренняя борьба, сомнения, колебания, поиски правды нашли отражение в логико-философском произведении «Былое и думы» (1852 — 1868). Фактически это энциклопедия русской идейной жизни от начала XIX в. до появления на исторической арене «молодых штурманов будущей бури». Герцен сумел в художественном повествовании связать свою биографию — «*былое*» — с «биографией человечества», показать свою жизнь как «отражение истории в человеке», поделиться своими «*думами*» о путях развития России и человечества. В главном герое, как в фокусе, преломляется безгранично широкий мир действительности, и весь роман стал эпопеей, вместившей Россию и Запад, философские раздумья и быт, историю общественной мысли и личные переживания человека, концепцию развития, становления и борьбы исторических формаций.

А.В. Луначарский назвал Герцена «гигантом публицистического пера» и «величайшим пророком». В качестве подтверждения этой характеристики приведем несколько неполных цитат из «Писем из Франции и Италии»: «Вся Европа... будет втянута в общий разгром; пределы стран изменятся... национальности будут сломлены и оскорблены. Города, ограбленные, обеднеют, образование падет, фабрики останутся, в деревнях будет пусто, земля останется без рук... Победители начнут драку за добычу. Испуганная цивилизация, индустрия побегут в Англию, в Америку, унося с собой от гибели — кто деньги, кто науку, кто начатый труд... И тут — на краю гибели и бедствий — начнется другая война — домашняя, своя — расправа немущих с имущими».

«Коммунизм пронесется бурно, страшно, кроваво, несправедливо... Явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры... Современный государственный быт со своей цивилизацией погибнут — будут, как учтиво выражается Прудон, ликвидированы».

С великим ужасом спрашивает себя Герцен о перевороте будущего: «Будет ли он культурным, будет ли он согрет порывом к творчеству в области истинной красоты и человеческих взаимоотношений?» Его

«ужасает современный человек... Весьма вероятно, что будущие поколения вырождаются еще больше... обмелеют умом и сердцем».

Все надежды Герцена обращены теперь в сторону рабочего класса. «Пролетариат не может быть сторонником раздачи машин и железных дорог по частям на слом и пропой... Не разламывать, а создавать, слагать в одно гигантское... хозяйство. Такова мысль рабочего класса».

О «могуществе мысли» самого Герцена — «главной силе его таланта» — с восторгом говорил В.Г. Белинский¹⁶. Это высказывание критика хотелось бы дополнить словами Герцена, обращенными к его дочери, талантливой художнице, но характеризующими и его самого: «Для развития таланта необходим упорный выдержанный труд».

...*Герцена нужно читать!* Он сумел создать представление о том, какой богатой и увлекательной может быть жизнь человека, если народные интересы становятся его идеалами. Он всегда стремился писать о чем-то жизненно важном и в каждом произведении оставлял «отдельную часть жизни своей души». Здесь весь Герцен — с блеском ума, с искрящимся остроумием, с широкой русской натурой и неприятием тех «граждан мира», для которых «их мир» важнее собственного отечества. У него каждая фраза живет, дышит правдой. В. Гюго писал Герцену: «Вы мастер мыслить и страдать — два высших дара, какими может быть наделена душа человека».

Творчество Герцена живет в сознании нашей современности как художественное отражение неповторимого момента в исторической жизни русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее слова, взятые в кавычки без указания источника, приводятся из книги А.И. Герцена «Былое и думы» (*Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. — М., 1954 — 1964).

² См.: *Ленин В.И.* Что делать? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 25; *Ленин В.И.* Памяти Герцена // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 259.

³ *Воровский В.В.* Литературно-критические статьи. — М.: ГИХЛ, 1956. С. 389.

⁴ *Луначарский А.В.* Собр. соч. В 8 т. — М.: Художественная литература, 1963 — 1967. Т. 1. С. 129.

⁵ Там же.

⁶ Впервые опубликовано в 80 томе «Литературного наследства» в 1971 г. (Более подробно см.: ЦПА. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 341. Л. 76 — 77).

⁷ Именно роль «великих немцев», но отнюдь не декабристов, которые «разбурдали» Герцена, подчеркивается в популярной ныне пьесе английского драматурга Тома Стоппарда «Берег утопии», написанной по материалам американского слависта Мартина Малия.

⁸ См.: *Плеханов Г.В.* 14-е декабря 1825 года // Литература и эстетика. В 2 т. Т. 2. — М., 1958. С. 169, 173.

⁹ Цит. по: Литература и эстетика. В 2 т. Т. 1. С. 214.

¹⁰ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 1. С. 23 – 24.

¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 3. С. 403 – 404.

¹² Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 7. С. 252.

¹³ См.: Луначарский А.В. Собр. соч. Т. 1. С. 145.

¹⁴ Искандер (араб. соответствие имени «Александр») – псевдоним Герцена.

¹⁵ А.И. Герцен действительно оказался пророчицей: крестьяне ответили на реформу 1861 г. массовыми бунтами. Жестоко были подавлены восстания в Казанской, Пензенской, Тамбовской и других губерниях.

¹⁶ Белинский В.Г. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. – М., 1948. С. 804 – 805.

Аннотация

В статье рассматривается борьба А.И. Герцена против деспотического режима в России, за освобождение крестьян от крепостной зависимости, поиски закономерностей исторического развития общества и путей его социального переустройства, гармонизация общественно активной личности. Автор показывает неосуществимость предлагавшихся Герценом путей решения социалистических преобразований общества в современных ему исторических условиях.

Ключевые слова: философские искания, «крестьянский вопрос», русская вольная пресса за границей, пути решения социальных проблем.

Summary

The article examines the struggle of A. Herzen against Russia's despotic regime and for liberation of the peasants from serfdom, his search for laws of the society's historical development, ways of its reorganization and harmonization of the socially active person. The author shows that the socialist reforms, proposed by Herzen, were impossible under the historical conditions of his time.

Keywords: philosophical search, «peasant question», russian liberal press abroad, solution of social problems.